

В. Й. Мансикка

Религия Восточных славян

(Извлечение, [21.40])

..., вполне вероятно, что глосса, касающаяся Сварога и Дажьбога, также впервые появилась на Литве, и что обе глоссы попали ок. 1262 г. в готовый славянский перевод Малалы или, как думает академик Истрин⁶⁰, в особую русскую редакцию компилятивного хронографа («иудейский хронограф»)⁶¹. Отсюда вставки, в свою очередь, попали в протограф Архивского и Виленского хронографов⁶². В протограф же Ипатьевского и Хлебниковского списков мифологические отрывки проникли или непосредственно из того же сочинения, где они впервые появились ок. 1262 г., или через посредство какого-нибудь западнорусского хронографа, вроде оригинала Архивского и Виленского списков. Такое предположение не противоречит и установленной А.А.Шахматовым схеме историко-литературной эволюции указанных летописных списков: оба они восходят к одному оригиналу⁶³.

Принимая в расчет, что вставка о предполагаемых русских божествах впервые появилась в переводе Малалы, мы вправе судить о характере божеств преимущественно на основании данных этого перевода.

Приведем отрывок, сохранившийся в начале II-й книги перевода по Архивскому списку, выделяя курсивом лишние против оригинала места⁶⁴:

«По умрътвіи же ђеостовѣ, *егож и Сварога наричить*, и царствова Егѳтяномѣ сынѣ его Солнце (в оригинале: Гелиос) *именемъ, егож наричють Дажьбогъ* ... Солнце же царь, сынѣ Свароговѣ (в оригинале: Гефестов), *еже есть Дажьбогъ*, бѣ муж силенѣ. Слышав же нѣ от коего жену нѣкую египтяныню, богату въ сану сущю, нѣкому въсхотѣвшу блудити с нею, искаше ея яти ю, хотя Свароже (в оригинале: Гефеста) отца своего закона рассыпати, и поемъ съ собою муж своих нѣколико, разумѣвъ годину, егда прелюбодѣть ношю, припаде на ню, и не удаси мужа с нею, ону обрѣте съ инѣмъ лежащу, ему ж хотяше; емъ же ю, мучивъ, пусти ю водити по всеи земли укоризнѣ, а того любодѣицю усѣкну. И быс чисто житіе по всеи земли египетстѣи, и блажити и начяша, акож рече Омиръ творецъ о нѣмъ, акы Дажьбогъ, рече, обличи Афродиту, блудящу съ Аріемъ, и Афродиту нарече похоть блудную, от Солнца царя обличену».

⁵⁹ Истрин В.М. Александрия русской редакции, 360.

⁶⁰ Указ. статья в Журнале Министерства Народного Просвещения. С. 90.

⁶¹ Ср. Срезневский. Сведения и заметки, 84, 139.

⁶² Истрин. Александрия, 134–136.

⁶³ Шахматов. Повесть врем. лет. С. LIII–LIV, ср. III.

⁶⁴ Вторая книга Малалы издана Истриным в Летописи Историко-филологического Общества при Новороссийском Университете X, 465 и след.

Итак, при греческих именах Ἡφλίδου и Ἡλιος переводчиком прибавлены параллельные названия, по-видимому, относящиеся к области славянских мифологических преданий; отчасти греческие названия прямо переводятся этими предполагаемыми славянскими мифологическими именами. Очевидно, память о названных мифологических существах жила еще в середине XIII века где-то на западной Руси. Что касается Сварога, соответствующего, по показанию переводчика, греческому Гефесту, то мы, принимая во внимание свидетельство поучений (см. ниже) о наименовании огня «Сварожичем», и известные сведения о боге Zvarazic у западных балтийских славян, имеем основание предполагать, что миф о Свароге как об отце солнца и огня действительно существовал, по крайней мере, на Западной Руси, у балтийских славян и, вероятно, на Литве⁶⁵. XVII

Другие следы существования преданий о Свароге на русской почве, кроме рассматриваемой глоссы и поучений (огонь-Сварожич), совершенно исчезли. Был ли его «сын» Дажьбог действительно русский солнечный бог, нельзя определить. По нашему мнению, того факта, что имя Дажьбога в глоссе XIII в. приписывается олицетворенному солнцу, недостаточно для того, чтобы объявить Дажьбога древнерусским богом солнца. Замена Гелиоса Дажьбогом могла быть такой же случайной, как объявление последнего «сыном» Сварога, что могло быть просто вызвано греческим оригиналом⁶⁶. Имя Дажьбога дает скорее основание признать его специальным эпитетом верховного существа, когда это последнее выступало в роли бога-подателя, deus dator. Случайное отождествление Дажьбога с Гелиосом могло быть зависящим от того, что глоссатор не знал других, более подходящих славянских богов. Ведь в той же второй книге Хроники приводится ряд первостепенных классических богов, для которых переводчик не нашел славянских замен: Зеусь, Дый, Діось, Аполонь, Посидонь, Діонисій, Арій, Афродита и пр. Невольно обращаешь внимание и на то обстоятельство, что мифологические глоссы попадают лишь во второй книге перевода. Переводились ли отдельные части Малалы в разное время и разными лицами?

Попав в общий для Ипатьевского и Хлебниковского списков летописный источник, вставки, внедренные в перевод Малалы на Литве в XIII в., подверглись небольшим изменениям. Глосса «иже и Сварога нарекоша Егѣптяне», внесенная в первый отрывок (о Феосте) из второй книги Малалы, показывает, что летописец не узнал в Свароге славянского божества, приняв его за бога египтян. Еще два раза он считает нужным подчеркивать, что речь идет о египетском боге: «Сего ради прозваша и богъ Сварогъ», «сего ради прозваша и Сварогъмь и блажиша и Егѣптяне». Очевидно, западнорусско-литовское предание о Свароге не было известно там, где жил лето-

⁶⁵ Ср. соображения акад. Ягича в Archiv für Slav. Philologie IV, 426.

⁶⁶ Ср. статью Ягича. С. 427.

писец. XVIII Главная причина культа усматривается в нравственных узаконениях Сварога, между тем как в хронике Малалы прежде всего обращается внимание на его мудрость и изобретательность. Подчеркивая главное достоинство Гефеста-Сварога как законодателя, водворившего супружескую мораль в развратном Египте, летописец даже уклоняется в сторону: в дополнение к хронике он сочиняет рассказ о прежнем невоздержании египтян; материалом служили, по-видимому, хронографические повествования о нравах разных народов. Впрочем, не лишено основания и такое предположение, что дополнительный рассказ внесен позднейшим переписчиком⁶⁷.

Считая, следовательно, мифологические глоссы, сохранившиеся в древнерусском переводе Малалы и двух летописных списках случайными и поздно внесенными, мы не признаем возможным пользоваться ими как надежным материалом для реконструкции древнерусской мифологии. Для критического исследователя Сварог и Дажьбог этих глосс остаются только пустыми именами, глухими, случайно уцелевшими в предании названиями, смысл которых был темен даже для глоссатора. Из них Сварог или Соварог или Зварог *может* быть поставлено в связь с балтийско-славянским *Zuarazis*’ом. Но миф о нем может быть и другого (литовского?) происхождения. Дажьбог в свою очередь мог быть взят из литературной традиции, совершенно произвольно, без какого-то ни было отношения к живой традиции.